

ПУБЛИКАЦИИ

НЕМЕЦКАЯ ИРОИКОМИЧЕСКАЯ ПОЭМА Ю.Ф.В. ЦАХАРИЭ В РУССКОМ ПЕРЕЛОЖЕНИИ: «КОТ В АДЕ» (1821)

Юст Фридрих Вильгельм Цахариэ (J.F.W. Zachariä, 1726–1777) – немецкий писатель, издатель, либреттист, композитор, автор поэм, басен, сатир, переводчик «Потерянного рая» Милтона. В юности входил в «Бременскую группу» писателей, испытавших воздействие традиций просветительского классицизма И.К. Готшеда и вместе с тем не чуждых влиянию рококо и сентиментализма. Дебютировал в 1744 г. ироиколической поэмой «Забияка» («Der Renommist») – о жизни и нравах лейпцигских студентов (одним из которых был и сам 18-летний автор поэмы). Написанная александрийским стихом и ориентированная на поэму «Похищение локона» (1712) английского поэта А. Поупа поэма Цахариэ имела большой успех, став самым известным его произведением и первым образцом ироиколического жанра в немецкой литературе. О «Забияке» был высокого мнения И.В. Гёте, считавший, что поэма навсегда останется «ценнейшим свидетельством» своей эпохи («Из моей жизни: Поэзия и правда», ч. II, кн. 6).

Ироиколическая поэма в пяти песнях «Murner in der Hölle» (1757), написанная гексаметром, того успеха, который выпал на долю первого сочинения, не имела. Однако в 1771 г. ее под названием «Aeluagias» (от др.-греч. αἰλουρος – кот) переводит на латинский язык Б.К. Авенариус. В 1791 г. прозаическое «вольное переложение» произведения, рисующего «несравненные иройские подвиги и плачевную смерть бессмертного кота», появляется и на русском языке: «Кот во аде» Федора Осиповича Туманского.

Цахариэ был довольно хорошо известен в России в конце XVIII – начале XIX в. Его «нравоучительная баснь» «Люиза, или Власть добродетели женского полу» вышла в 1780 г. в переводе Ивана Шильта, правда с французского. В анонимном переводе в начале 1800-х годов в Петербурге появилась небольшая книга стихотворений Цахариэ «Беседа с моею душою». В 1805 г. опубликован перевод поэмы Цахариэ «Четыре времени года в их сокращении, или Четыре части дня» («переведено с немецкого А... Лбкм»), а в 1806 г. – «Четыре времени дня» в переводе с французского выпустил Борис Бланк. В 1809 г. стихотворение Цахариэ «Welch eine Nacht!» перевел Семён Бобров под названием «Цахариас в чужой могиле», сопроводив его описанием обстоятельств появления произведения: в нем нашли отражение чувства поэта, проводшего ночь в вырытой могиле, куда он упал, возвращаясь ночью домой через кладбище. В 1821 г. на основе прозаического переложения Ф. Туманского вышло второе, на этот раз – поэтическое, переложение поэмы «Murner in der Hölle», выполненное Александром Кузьмичом Кузминым (1796–1850), поэтом-любителем и мемуаристом, оставившим, в частности, воспоминания о жизни декабристов в Минусинске, где с 1827 по 1836 г. он исполнял должность окружного начальника (Минусинские ссылки // Декабристы. Сборник материалов. Л., 1926. С. 36–42).

«Кот в аде» Кузмина, вышедший ровно двести лет назад, особого внимания к себе не привлек – ироикомиическая поэма середины XVIII в. для русской литературы 1820-х годов была уже не очень актуальна. Тем не менее это переложение представляет определенный интерес и для изучения русско-немецких литературных связей, и как малоизвестный факт русской литературной жизни 1820-х годов. Поэма «Кот в аде» достойна быть упомянута и как часть обширной, хотя и недостаточно изученной мировой «котовианы» – литературы, главными героями которой являются кошки. И в этом ряду она занимает свое достойное место.

Текст печатается по изд.: [Цахариэ Ю.Ф.В.] Кот в аде: Забавная поэма. Творение на немецком языке Г. Захари. С прозаич. перевода Г. Туманского, напечатанного в С.-Петербурге 1791 года, вольное переложение стихами Александра Кузмина. СПб., 1821. 39 с.

Кот в аде

Песнь первая

С улыбкою ко мне в подлунные места,
О Муза! ниспустись петь подвиги Кота,
Кота, известного и родом и делами,
Достойного, чтоб жить в потомстве меж котами.
А ты, вкушающий блаженство через край,
Прости отважность мне, великий кот Мурнай.

С благоговением внемлите мне, народы;
И вы, почтенные различных кошек роды,
Сберитесь ко мне на лирный громкий звук,
Чтоб дел Мурнаевых узнать обширный круг;
На лапочки присев, дыханье притаите,
И взоры на меня так точно устремите,
Как в щель подпольную, отколь вы ждете крыс;
А я с надменностью, как влюбчивый Нарцис¹,
– Но только не себя, а труд свой обожая, –
Пред вами воспою отважного Мурная.

Средь замка древнего на Ельбских берегах
Почтенный жил Робан, известный в тех странах,
По качествам души не сродный к вероломству,
Соседам по трудам, гостям по хлебосольству,
И также по любви к племяннице своей,
Которая была прекрасней и милей
Всех прочих девушек, живущих в околке².
Старик, быв одинок, в племяннице-сиротке
Все видел счастье своих осенних лет;
Розавра же, платя покорностью в ответ,
Старалась отслужить за все его старанья.
У скромной девушки и скромные желанья:
Огромный бал ее собою не прельщал,

¹ Нарцис (Нарцисс) – в греческой мифологии прекрасный юноша, сын речного бога Кефисса и нимфы Лариопы, который, увидев свое отражение в воде, влюбился в него и умер от этой любви к себе.

² В окрестности, по соседству (разг.).

Где множество бы ей насыпали похвал;
Она лишь слышала хвалы от Попугая,
А ласки видела от тучного Мурная.
Один ее своим болтаньем забавлял;
Не вреден для других, хотя и много врал;
И так он был сносней, чем льстивый пустомеля,
Который не любим и в первое Апреля.
Другой... Прости ты мне, о доблестный Мурнай!
Что ты другим стоишь, а первым – Попугай!
Ты первый, ты герой, – но я пишу стихами,
А кто их писывал, тот часто гнул дугами.

Гордись, Сибирь! Мурнай был родом Сибиряк:
Прапрадеда его пленил оттоль Ермак³,
А мой герой попал в Робанов Ельбский замок.
Но если знать хотят охотники до справок
Счет лицам и местам, где род сей был досель, –
Лиц тысячу сто пять, мест – тридевять земель.
В Сибирь же славная фамилия Мурнаев
Начально перешла из древней Трои краев:
Когда мышинный род, среди Троянских стран
Размножившись, грозил, как сыр, известь Троян,
Тогда несчастные прибегли к Аполлону⁴,
И за оказанну сим богом оборону
Украсили его прозванием Сминтфей⁵.
Но бог неловок был в ловлении мышей,
И, как вести войну с подпольными не зная,
Он в помощь пригласил искусного Мурная,
Которого потом в Сибирь переселил,
Когда совет богов в прах Троян осудил.
И сей-то Кот, – гласят в преданьях так шаманы, –
Свой начал славный род, пришед в Сибирски страны.

³ Ермак Тимофеевич (ок. 1540–1585), казачий атаман, поход которого в начале 1580-х годов в Сибирь способствовал присоединению Сибирского ханства к Русскому государству.

⁴ В греческой мифологии – олимпийский бог, сын Зевса и Лето; покровитель муз.

⁵ Сминтфей (Сминфей) – «мышинный».

В огромной зале шар земной танцуя вальс,
От мачихи-зимы к весне придвинул нас.
И вот оделся лес, и птички в нем запели,
И рано поутру пастух, свистя в свирели,
Будил в селении заспавшихся старух,
Давая знать чрез то, что стадо гонит в луг.
Мурнай в то время шел по ветхой замка кровле,
Проведши целу ночь в ущелиях на ловле,
Несметны он полки мышей и крыс сразил,
И кровью их уста и лапы обагрил.
И взоры грозные бросая он на жертвы,
Которые вокруг его лежали мертвы,
Казалось, вопрошал: кто в брань пойдет со мной?
Но взоры он смягчил, в Розаврин вшед покой.
Красавица тогда в сне сладком утопала,
Чему был верный знак – нескромность одеяла.
Мурнай, чтоб сон ее приятный не прервать,
Оставил бережно Розаврину кровать
И в комнатах других на солнце приютился,
Делами утомлен, в сон крепкий погрузился
И, лапы протянув, басисто замурчал.
Приятные мечты Морфей⁶ к нему послал:
Мурнай вокруг себя зрит дам своих прекрасных,
Которых жалобы и глас стенаний страстных
Раздались без него на ветхой башне той,
Где с ними он гулял во мрачности ночной
И сладко утопал в Амуровых⁷ победах.
Потом он зрит себя в Розавриных коленях:
Она играет с ним, поглаживая шерсть;
А возле их стоят молодчиков пять-шесть,
Которые собой хоть много занимались,
Но с ним охотно бы местами поменялись.
Пред счастливым сбытьем бывает сон худой;
Но сей хороший сон тебе предвестник злой.
Мурнай! не узришь ты любезной Мурлыкаи,

⁶ В греческой мифологии – один из сыновей Гипноса (сна), крылатое божество, являющееся людям во сне в разных человеческих облициях.

⁷ Амур – в греческой мифологии божество любви.

Ни Брысы ветреной, ни смирененькой Катаи,
Ни ласк Розавриных, ни громких тех трофей,
Которы заслужил, разбивши впрах мышей.
Алекто⁸ в сей злой час над замком пролетает
И смрад ужаснейший с собою разливает;
Богиня, злейшая из адских эвменид:
Змии на голове и скареднейший вид;
Кидая на весь шар завистливые взоры,
Несется с факелом, дабы возжечь раздоры.
Как только Попугай Алекту увидал,
«О, гадость», – на нее из клетки закричал.
Алекто – женщина, и следственно ей мщенье
Должно над птицею свершить за поношенье.
«О, дерзкий! – мыслила так фурия с собой, –
Ты недостойн, чтоб бессмертною рукой
Тебя за дерзости сама я наказала;
Но к мщенью своему Мурная я избрала».
И тотчас, обратясь ко спящему Коту,
Вдохнула в мысль ему убивственну мечту:
«Возможно ли, – рекла, – о Кот высокородный!
Что ты на солнце спишь в беспечности покойной,
Меж тем, как честь тебя зовет к свершенью дел,
Которых из котов никто творить не смел.
Ты – тигров свойственник, но с мощными когтями
Преследуешь одних пужливых крыс с мышами,
Не жаждя получить отличнейших побед.
Прими же мой тебе приятельский совет:
В сей клетке золотой тебя ждут новы лавры,
Соперник твой, болтун, любимец сей Розавры,
Хотя с одним тобой любовь ее делит,
Но, завистью дыша, всегда ее бранит,
И голосом твоим в глаза тебя кривляет.
Дерзай! Розавры честь тебе повелевает,
И собственно твоя приказывает честь

⁸ В греческой мифологии одна из трех эвменид (эриний) – богинь мести, обитающих в подземном царстве мертвых; при своем появлении на земле возбуждает безумие и злобу. Имеет вид отвратительной старухи со змеями вместо волос и горящими факелами в руках. Ее сестры – Тисифона и Мегера. В римской мифологии эвменидам соответствуют фурии.

Сего насмешника в дань мщению принесть.
Рази! не защитит его золотая клетка.
Вспомни ты свой род, того вспомни предка,
Который поражал в подобных клетках сей
Скворцов и кенаров, овсянок и чижей.
Простри ряды когтей для праведного мщенья
И по полу рассей его цветные перья».

Мурнай, проснувшись, в мгновение одно,
Как из лука стрела, стремится на окно,
На коем Попугай стоял в своей темнице.
И вот уже пришла беда болтливой птице:
Кот, клетку охватя, пруты зубами грыз;
А робкий Попугай, спустившись на низ
Жилища своего, не смел пошевелиться.
И верно бы над ним Алекты мщенью сбыться,
Когда б не услышал печальный его крик
Робан, идя домой. Почтенный сей старик
Булавчатый нес жезл в трясущейся деснице,
С которым выходил навстречу он деннице.
И лишь узрел Кота в занятии таком,
Взмахнулся и разил главу его жезлом.
И Парка⁹ лютая прервала жизнь Мурная!
Он с клетки вниз летит, а клетка, упавая
На труп его, с ног сшибла старика.
Из ран Мурнаевых кровавая река
Стремится вдоль доски. От общего паденья
Весь замок чувствовал пример землетрясения.

Песнь вторая

Розавра громом сим выводится из сна,
И в спальном шлафроке на стук спешит она,
И девка с ней, глаза спросонки протирая.
Но только в комнату вступили Попугая,
Хавронья ахнула и бросилась бежать.
Подумайте ж, зачем? чтоб голову убрать!

⁹ Парки – богини судьбы в римской мифологии.

А барышня, хотя пять раз потом звонила,
Но дядюшку сама поднявши посадила.
Опомняся, сказал племяннице Робан:
«Смотри, как пакостник, неистовый тиран
Повержен мной лежит, пол кровью омывая,
За то, что задушить он вздумал Попугая».
Старик бы продолжал обширнее рассказ,
Но, видя токи слез племянницы из глаз,
Умолк, лишь временно с надменностью большою
Умершему Коту пограживал клюкою.
О Муза! Все дела открыты пред тобой,
Вещай Розаврин плач и с ним Хавроньи вой,
Которая, хотя душевно не страдала,
Но барышнину грусть, как эхо повторяла.
«О, бедненький Мурнай! – Розавра плачет так, –
Во цвете жизнь твою пресекла лютость Парк.
И ждал ли ты себе постыдной толь кончины
От рук, кто подарил тебя мне в именины?
Не буду гладить я больших твоих усов,
Ни искор извлекать из шелковых власов,
Когда для темноты, подшед с тобой к камину,
Я гибкую твою взьерошивала спину.
Прыжками ты меня не будешь забавлять».
Хавронья тут вошла и стала продолжать:
«О Кот! любезный Кот! взгляни прелестным оком,
Как плачу над тобой в унынии жестоком.
Где молодость твоя, веселость и краса?
Прогневали, знать, мы грехами небеса,
Они пренебрегли Хавроньиным моленьем,
Но как тебе лежать с блестящим ожерельем?
В нем душно. – Барышня! позвольте я сниму
И спрячу оное в знак памяти к нему? –
О миленький Мурнай! как льется кровь багряна!»
Так плакавши они растрогали Робана,
Старик заплакал сам, и гнев его прошел.
Потом Розавру он из комнаты увел,
Оставивши Кота чувствительной Хавронье,
Которая им вслед сильнее на раздолье
Завыла: «О Мурнай! голубчик мой Мурнай!»

«Мурнай!» – тут закричал из клетки Попугай,
Как будто он прощал умышленную злобу,
Которая Коту отверзла дверь ко гробу.

Хавронья лишь с Котом осталася одна,
Притворную печаль оставила она;
И, жадно сорвавши серебряный ошейник,
Сказала: «Рада я, что ты издох, мошенник,
Не будешь боле жрать жаркое, иль уху,
Которы я себе тихонько берегу.
Уж здесь ли не был сыт ты, алчное творенье!
Но лопнет от проказ крепчайшее терпенье.
И как Розавра, – ах! нельзя того понять, –
Как мерзку харю столь решалась целовать!
Ступай, ищи себе среди подземных краев
Послаще кушанья, иль новых попугаев».
Сказав сии слова, взяв за ногу Кота,
Повергла из окна на смрадные места.
Подобные дела притворностью похожи
На скользкие слова придворного вельможи.

Меж тем Робан, чтоб скорбь племянницы разгнать,
Старался новостями Розавру он занять,
И свой ей рассказал вояж на теплы воды;
Потом рассказывал старинные ей моды,
Как дамы прятали подушки в волосах,
Как фижмы¹⁰ пышные носили на боках;
И тут же подарил ей дамскую рулетку,
Лиловых лент аршин и розовых кошелку.
Потом увидели карету на дворе,
И гости, как на зов являся к той поре,
Хозяйкину тоску приездом уменьшили,
Покушавши, ее мущины окружили,
Когда по просьбе их уселась за рояль,
Запела, – и прошла красавицы печаль.

¹⁰ В женской модной одежде XVIII – начала XIX в. – широкий каркас в виде обруча из китового уса или ивовых прутьев, вставлявшийся под юбку у бедер для придания пышности фигуре и подчеркивания талии.

Во время то, устав природы исполняя,
Во преисподнюю спускалась тень Мурная.
Прости, угрюмый бог, чье царство – мрачный ад,
Простите мне, Минос, Эак и Радамант¹¹,
Владыки тартара, советники почтенны,
Что смертным я хочу явить места бездневны.
О Муза! не страшись все ужасы открыть,
Когда-нибудь череда достанется там быть.
Кот, в мраке шествуя, вступил в предместье ада.
Там старость хворая, там мщенье и досада,
Там голод, бедность, стон, война с полком зараз.
Потом, едва успел еще ступить семь раз,
Как новые пред ним рождаются явленья:
Из мрачных роц летят ужасны сновиденья,
Которы по ночам тревожат наш покой.
А там подалее чудовищ адских строй
Представился глазам наперстника Розавры:
Горгоны, гарпии, гиены и кентавры¹²,
Меж коих идучи в испуге страшном Кот
Насилу выплелся на брег Стигийских вод¹³.

Шумит великий Стикс, уваженный богами,
И с страшным ревом бьет в брега свои волнами.
Там души, ожидав Хароновой ладьи,
Стояли в равенстве, забыв чины свои:
С рабами рядом те ходили государи,
Которые рабов считали хуже твари;
С судьей на берегу сидел, обнявшись, вор;
Оставя через смерть престол фортуны – двор,

¹¹ Минос и Радамант (Радаманф) – в греческой мифологии сыновья Зевса и Европы, которые в царстве мертвых – Аиде – судят души умерших; Эак – сын Зевса и речной нимфы Эгины, третий судья подземного царства.

¹² Горгоны – в греческой мифологии крылатые чудовища, покрытые чешуей, со змеями на голове. От их взгляда все живое обращается в камень. Гарпии – в греческой мифологии ужасные существа, полуженщины-полуптицы. Кентавры – в греческой мифологии полукони-полулюди, отличающиеся буйным нравом. Упоминание среди мифологических существ реального животного – гиены – связано с ее преимущественно зловещим и демоническим образом в культуре.

¹³ Воды реки Стикс, протекающей в царстве мертвых.

Лъстецу там кланялся почтительно придворный;
 С дьячком похаживал писатель стихотворный;
 С подьячим – ябедник¹⁴, с ханжей – седой брамин,
 С философом – дурак, с лентяем – дворянин;
 А там с разбойником стоял завоеватель,
 С плутами – откупщик, с врачом – гробокопатель,
 И множество других, смешавшихся, как сор.
 Однакож в аде всем им сделают разбор,
 Но только не такой, как делают меж нами:
 Не знаньем там хвались, хвались там делами.
 В подземных областях таков судей закон.
 Но вот уже плывет к их берегу Харон¹⁵:
 Брада всклокочена. Сей адский перевозчик
 Угрюмый был старик и наглый, как извозчик.
 Тут с давкой тени все стремятся на причал.
 «Куда теснитесь вы?» – из лодки он кричал,
 Грозя своим веслом. И дельно: туча-тучей,
 Сперлися более, чем рынок наш толкучий.
 Хоть в пору масло гнать. Затолканный Мурнай
 Хвост в Стиксе замочил, прижатым быв на край;
 И, видя сажнях в двух от берега Харона,
 Прыгнул к нему, как в сад с Розаврина балкона;
 Но первый испытал могущество весла:
 Харон его прогнал из взятых душ числа,
 С которыми спешил скорей отчалить лодку.
 И тщетно тут Мурнай мяукал во всю глотку,
 Старик имел приказ: тех душ не первозить,
 Которых на земле не стали хоронить.
 Розавра же с гостями забыла на весельи
 О должном своему любимцу погребеньи.
 Итак, на перевоз Мурнаева душа

¹⁴ Подьячий – делопроизводитель в отечественных государственных учреждениях до начала XVIII в.; ябедник – первоначально судебная должность: обвинитель; к XVI в. обретаает, наряду с этим, также значение «клеветник», «доносчик».

¹⁵ В греческой мифологии – перевозчик душ умерших по водам подземных рек в царстве Аида. Брал в свою ладью только тех, кто был погребен в могиле. Изображался мрачным стариком; при перевозе взымал плату с души мелкой монетой («обол Харона»), которую при погребении клали покойнику под язык.

Надежду потеряв и горестью дыша,
Что он не заслужил в покров свой горсти праха,
Решилась плыть чрез Стикс и бросилась с размаха;
Но вновь Хароново могучее весло
С громадой брызг ее на берег извлекло.
Притом Харон кричал, что труд Кота напрасный,
Что гнев богов за то заслужит он ужасный:
Захлебываться ввек, нырять и не тонуть.
Тогда Мурнай принял обратный в замок путь,
Спеша на верхний свет тех призраков с толпою,
Которые в ночи пугают нас собою.

Песнь третья

Сменила ясный Феб¹⁶ Хаоса¹⁷ смугла дочь,
Иль, просто говоря, настала темна ночь.
По замку колокол двенадцать раз раздался,
И с звуком онога тот страшный час примчался,
В который призраки с блестящими очми,
С рогами на главах, с крылами за плечми,
С когтями острыми, с хвостами, – как известно
В ужасных образах – шатаются всеместно.

Робанов замок весь лежал в объятых сна.
И можно бы сказать, была в нем тишина,
И глас молчания ничем не прерывался,
Коль дворник, у ворот храпя, не отличался
Подобно с кашицей кипению котла.
И если бы еще Хавроньина игла,
В руках ее свистя, эфир не рассекала.
Досужа девушка одна тогда не спала,
Спеша любезному псарю подшить платок;
Но как услышала полуночный звонок,
От страха не могла в иглу продернуть нитку,
И вмиг по лестнице, похожей на улитку,

¹⁶ Эпитет Аполлона, указывающий на его светоносность; образ Аполлона отождествлялся с солнцем.

¹⁷ В представлении древних хаос – вселенская бездна; начиная с Гесиода, представлен и как мифологический персонаж.

Мечтая, что идет ложиться в свой покой,
Спустилась в погреб тот ужасный и пустой,
В котором конюх сам, своими зрел глазами
В час полночи духов с звучащими цепями.
Тут, в изумлении издавши громкий крик,
Нечаянно она задула свой ночник;
И бросившись бежать на лестницу обратно,
Пять раз споткнулася и, падавши трикратно,
Подбила правый глаз с прибавком влево рта;
Но было б ничего: вдруг страшна тень Кота
С шипением змеи предстала ей пред очи.
Глаза его как две звезды во время ночи,
Которыми тогда ужасно он сверкал;
И, шерсть поднявши вверх, разверстыми когтями
Грозил Хавронье он щелкаяючи зубами;
А нимфа робкая, не смея и дышать,
Вбежавши в свой покой, поверглась на кровать,
Зажала слух, глаза, и хоть стреляй из пушки,
Она не подняла б главы из-под подушки.
Лишь только вылетел у ней строптивый «ох!»,
Считаючи за тень Кота кусанье блох.
Но тень Кота давно явилася Робану
В таком же образе, притом казавши рану
Такой пронзительный подняла крик и вой,
Что струсил и Робан с булавчатой клюкой.
Когда ж Мурная тень врагам своим отмстила,
Отброся страшный вид, к Розавре поспешила,
И в нежностью такой пропела к ней «мяу!»,
Как носится зарей по рошице «ау!»,
Когда пастушка в ней подругу окликает,
Или любезного к свиданью призывает.
Потом Мурная тень явилась ей во сне,
Печально говоря: «Прости, Розавра, мне,
Прости, что тень моя, тень бедного Мурная,
Явлением своим покой твой нарушая,
Осмелилась к тебе в час полночи предстать.
Кому, как не тебе, мне горе открывать:
Я не был взят за Стикс Хароновой ладьею
За то, что здесь мой труп, не быв покрыт землею,

Валяется в сору, добычей лютым псам.
Как мог я ожидать, что ты моим костям
Забудешь долг отдать, хоть бедным погребеньем,
Дабы я не бродил по смерти привиденьем!
Ах! вспомни, как твои я руки целовал;
Как, когти скрыв, с тобой легохонько играл;
А крысы, коих ты изволила страшиться,
Не смели и дышать, не только шевелиться.
Ужель за птицу я так много виноват?
Злость Фурии возжгла во мне к убийству яд.
Вели зарыть мой труп и тем разрушь препону
Усесться в лодку мне к угрюмому Харону!»¹⁸
Сказав сии слова, тень бедного Кота
Сокрылась, затворя печальные уста.

Розавра, пробудясь с сердечною тоскою,
Мечтала, что еще тень видит пред собою.
Румяная заря снимала ночи кров;
В кустах под окнами гремел хор воробьев;
В березовом леску грачи, кружась, кричали
О том, что мальчики их гнезда разоряли;
И птичница вдали ругалась с пастухом,
Что кур он распугал, гоняясь за быком.
Розавра кликала двенадцать раз Хавронью,
И вот она вошла, обрызганная кровью,
Бледна как полотно, щека и глаз разбит.
«Хавронья, что с тобой?» – Розавра говорит.
«Ах, барышня! Мурнай изгрыз меня, как крысу.
Позвольте мне сестру проведать Василису,
Иванушку-псаря, да Барина? – Но вот
Ваш дедушка и сам к нам в горницу идет.
Робан вошел тогда и робкими глазами
Искал племянницы. «Небесны силы с нами! –
Сказал он ей, – но мне явилась тень Кота,
Еще теперь дрожу, о адская мечта!

¹⁸ Эпизод отсылает к описанному в «Одиссее» («Песнь одиннадцатая») явлению герою тени его непогребенного друга Эльпенора – первой из тех, что встретил Одиссей в Аиде, которая умоляла героя предать его тело земле.

Как бес сверкал очьми, из рта ужасный пламень,
 А резкий вой его услышал бы и камень».
 «Любезный дядюшка! мы сами в том виной, –
 Розавра говорит, – что прерван наш покой:
 Не сделав должного Мурнаю погребенья,
 Труп бросили его валяться без призренья,
 И тень его, явясь, просила гроб костям».
 «Пойду ж, – сказал Робан племяннице, – я сам
 И вырыть прикажу садовнику Вавилу
 Над берегом в саду под липами могилу
 И в ней Мурнаев труп как должно положить».
 Едва Вавил ушел воленное свершить,
 Мурнай, последуя влечения закону,
 Поехал вновь тогда во области к Плутону¹⁹.

Песнь четвертая

Ну, Муза! за Котом и мы поедem в ад.
 Хоть вояжеры нам о нем не говорят;
 Но в книгах их и так набиты небылицы,
 И описаньям их Плутоновой столицы
 Поверил бы один набитый дуралей;
 Но истины вещать лишь может стиходей:
 Тобой всеведущий, тобою вдохновенный,
 Он с таинства судеб чертеж представит верный.
 Что может быть верней, как две твои сестры,
 Сведя на землю к нам театр с своей горы²⁰,
 Являют в оном всем живейший список ада,
 Где ждет за злое казнь, за доброе – награда,
 Где Лета²¹ сладкая в кисельных берегах
 И бездны огненны, как вживе, на стенах.

Харон, увидя тень Мурная в приближении
 И зная о его вчерашнем погребеньи,
 Кивнувши головой, приблизиться дал знак

¹⁹ В греческой мифологии – одно из имен владыки подземного царства.

²⁰ Имеется в виду гора Парнас как место обитания Аполлона и муз.

²¹ В греческой мифологии – река, протекающая в царстве мертвых, испив из которой души забывают свою земную жизнь.

И, в лодку посадя, рванул из зуб донак²².
И вот уже Харон сечет веслами волны,
Которы кажутся огней браздами полны,
Рисуя пламя то, вдали что мечет ад
С клубами дымными и искрами из врат.
«Прекрасный вид!» – Мурнай сказал бы между нами,
Но там поглядывал не теми он глазами.

При Орковых вратах²³ раздался громкий лай.
Увидя Цербера²⁴, озлобленный Мурнай
Зафыркал, поднял шерсть и важно так согнулся,
Что мрачный сам Харон в то время улыбнулся
И высадил его потом на новый берег.
Тут, в гневе яростном раздувшись, как мех,
Смотря на адска пса, Кот тихою стопою
Обшел его, с большим ворчаньем, стороною.
И вот уже вступил на те долины он,
Где огненный ревет по камням Флегетон²⁵.
И вот уже он зрит строптивыми глазами
Ограду медную с алмазными вратами,
Которые ведут в ужасно царство мук.
Стенаний вопль и рев, цепей бряцанье, стук,
Далеко разносясь, гостям напоминают,
Что в новосельи их плохонько принимают.
Как только оных мест достигла тень Кота,
С ужасным скрипом вдруг разверзлись врата,
И, бич держа в руке, явилася Алектю
Влечи Мурная тень к судьям. «Но ты ли это? –
Вскричала вдруг она, того Кота узнав,
Который выполнил точь-в-точь ее устав. –
Ты ль, жертва моего правдивейшего мщенья?
Во мзду твоих услуг не вкусишь те мученья,
Которые несут веками средь сих стен

²² Подразумевается, видимо, подношение, плата за переправу.

²³ В римской мифологии – название божества смерти и самого царства мертвых; соответствует греческому Аиду.

²⁴ В греческой мифологии – пес, сторожащий врата Аида, с тремя головами и змеиным хвостом.

²⁵ В греческой мифологии – огненная река Аида.

Все звери хищные, засаженные в плен.
Здесь разно мучатся медведи, тигры, барсы,
И все ужасные лесов дремучих марсы²⁶:
Волкам из огненных горнилиц – за овец –
Велят зубами брать железо и свинец;
Лисицам пламенны намордники надевши,
Томят их голодом, по месяцу не евши,
И дразнят, между тем, давая нюхать кур;
И множество зверей тут жарятся без шкур
За то, что в жизнь других бесчинно обдирали;
Орла, царя всех птиц, стихи не оправдали,
Хотя он в них хвалой до облак вознесен,
Но в клетку огненну за хищность заключен;
А вас над пламенем вверх вешают хвостами,
Когда вы, заключа постыдный мир с мышами,
Возьметесь истреблять по клеткам певчих птиц.
Здесь много есть твоих и братцев и сестриц,
Но благо, что тебя судьба предохранила.
Итак, направь стопы к полям, где высша сила
Награду тем дает, кто жил в удобность ей.
Тебе соорудят над гробом мавзолеей,
И слава дел твоих наполнит всю вселенну».
Сказав то, Фурия помчалась снова в бездну,
И адские врата сомкнулись пред Котом,
Извергши серный дым со пламенным столбом.
Кот, вправо повротя, шел смелыми шагами
И вскорости достиг различными тропами
До тех прекраснейших пригорков и полей,
Куда вселяется сонм праведных зверей.
Там вечная весна, там солнце так сияет,
Что в круглый год никто и бани не желает;
Но просто пуком роз, отшедши к стороне,
На солнышке себя похлыщет по спине.
Там вытрясло весь рог на землю изобилье:
Цветы, плоды, грибы, заморское все былье
Во множестве таком, что кушай – не хочу.

²⁶ То есть опасные, воинственные звери. Марс – в римской мифологии божество войны.

В изгибах правильных, подобных калачу,
Река забвенья там по жемчугу лиется,
И лишь какая тень воды ее напьется,
Забывши здешню жизнь, и радость, и беды,
Вдруг высших радостей восчувствует следы.
Чудесны действия стихии сей кристальной
Имеют сходствие на нектор наш вакхальный;
Понеже на земле волшебное вино
Печали гонит прочь и радует равно,
С той разностию лишь, что скоро хмель выходит,
А в Летских жителях безвыходно он бродит.
Там множество зверей, гуляючи в лугах
На воле, в праздности, разъелись так, что страх:
Конь, падший в хомуте, возя дрова и воду,
Гарцует, ржанием хваля свою свободу;
На тучных пажитях лежит полезный вол,
Забывши то, как в плуг впрягал его хохол;
Там зайцы робкие, там смиренные овечки,
У коих отошли трусливые сердечки,
Не страшен волк, ни псы, ни выстрелы ружья;
Там скромно шествует солидная свинья,
Все охает, хотя от жиру расплылася,
И, к Лете подойдя, в лужайке улеглася.

У сей реки стоит купальный тот чертог,
В который душ толпы идут со всех дорог;
Назначенные в нем судьбой для омовенья,
Дабы, преобразясь в различные творенья,
Вступить обратно к нам. Кот видел, как скворцы
И попугаи там купались в мудрецы;
Как стаей воробьи ссылались в стихотворцы;
Павлины – в женщины, лисицы – в царедворцы.
(На сей последний зверь огромный был расход,
Хотя в таких местах большой в нем недород.)
Итак, с омытыми нередко обращаясь,
Герой мой узнавал, почти не ошибаясь,
В какое тело чья вселилася душа;
Купцы, желавшие чрезмерна барыша,
Старухи вздорные, буяны, забияки

Должны быть, говорил, наследники собаки;
Дурак обязан чтить за батюшку осла;
Ленивый – трутня, мышь, а пьяница – козла.
Однакож иногда он делал исключения;
Случались, например, такие превращения:
Кот видел там, как конь назначен в ямщика,
Ямщик же обращен судьбою в лошака,
Дабы он испытал собой свои ухватки,
Как легко на гору скакать во все лопатки.
И прочая. – Мурнай, забвения воды
Напившись, забыл жизнь прошлую, труды
И смерть поносную; стал лучше, веселее,
И хищный род его вдруг сделался нежнее.
Нередко он играл легонько с голубьми,
Отнюдь не трогая своими их когтьми.
Иль бегал по лугам, не разбирая дороги,
За бабочкой, но с тем, чтоб лишь поправить ноги.
Иль новых находил прекраснейших подруг
И с ними заводил знакомства тесный круг.
Розетку там он встрел, Розаврину собачку,
С которой ссорился нередко за подачку;
Но тут, оставивши ворчание и лай,
Друзьями сделались Розетка и Мурнай!
И словом, мой герой стал жить на новосельи
Средь дружбы и любви в приятном наслажденьи.

Песнь пятая

Ну, Муза! за Котом и мы поедem в ад,
Сказал я перед сим; теперь же, ну, назад!
Назад в подлунный мир из праведных колоний,
Над гробом чтоб Кота зреть нежность церемоний.

Вавил уже покрыл землей Мурнаев прах
И вот с лопатою на мощных раменах²⁷
Вдоль барского двора он важно выступает.
Когда скупой богач свет здешний оставляет,

²⁷ Плечи (поэтич.).

С погоста нищие и с ними должники
Так важно шествуют, как вал большой реки:
И севши за обед, так важно поминают,
Что, кажется, печаль с обедом забывают.
Розавра видела, как шествовал Вавил,
И ужас бледностью лицо ее покрыл,
И к правому плечу глава ее склонилась.
Потом красавица вздохнула, прослезилась,
И плохо видючи сквозь горьких слез поток,
Которым носовой смочила весь платок,
Надела, идучи на милый гроб Мурная,
Навыорот салоп, того не примечая.
За нею попятам Хавронья шла с сестрой,
Имеючи в руках корзины пред собой,
В которых нарваны нарцисы и фиалки.
Подале шел Робан, шатаясь, но без палки;
(Еще вчерашний день булавчата клюка
Вкусила смерть за смерть), а сзади старика
Попарно в ногу шли: ткач Павел и с ним дворник,
Псарь с рогом за плечьми и с ним Вавил садовник,
Которые собой закончили парад.
И вот вступают все в обширный замка сад,
И вот пришли ко рву, что замок окружает.
Сей ров столетних лип аллея осеняет;
Одна из них свой верх скрывает в облаках,
У коей почивал Мурнаев славный прах.
Розавра тот курган усыпала цветами,
В молчаньи орося их горькими слезами;
Робан пять капелек своих тут уронил;
Псарь, с плеч доставши рог, печально затрубил;
Хавронья, милому под тон заголосила,
И с нею стая псов, как в запуски, завыла;
И кошки, съединясь, издали жалкий глас;
И словом, кажется, природа вся в тот час
Оплакала Кота, который честь и слава
Был роду своему. Подпольна лишь держава,
Чуждаясь горести, постигшей целый мир,
Устроили тогда огромнейший тот пир,

Который всякому известен из картины²⁸:
Мышиный праздник в день Мурнаевой кончины.

Розавра, отходя, сказала: «Почивай
В покое среди сих лип, любезный мой Мурнай.
Как жаль, что здесь в глуши, от света удаленный
Не ведает никто язык богов священный;
А то бы имя, род и славу твоих дел
Дальнейший бы узнал вселенныя предел».

Но слава в те часы гремящею трубою
Яснила важные события под луною.
И вот спутилася в дьячков коптелый дом,
Где слышен был крик, визг и, словом, весь содом.
Но сколь обманчив вид наружности бывает!
Иной подумал бы, дьячок жену таскает;
Но крик происходил от чтения ребят,
А визг – от запертых под печью поросят.
Итак, в избе дьячка премудрость обитала.
Он был спесив, в очках, в руке его свистала
Большая связка розг, которой он хлыстал
Чрез лоб тех школьников, кто чуть лишь замолчал.
Приближаясь к нему, богиня говорила:
«Поэт! на толь тебя природа одарила
Искусством виршенства, чтоб в звучных ты стихах
Писал лишь по селу, чей дом, на воротах?
Любимец скромных муз! брат старший Аполлона!
Почто ты новый лавр не рвешь с парнаска трона?
Мурнай – твой лавр. Поэт! на лире воззвучи,
Прославь его – и тем бессмертье получи».

Так слава говоря дьячковому смиренью,
Возгла в душе его любовь к стихотворенью.
Почесывая свой завязанный пучок,
С скрипящая скамьи встает Кирилл-дьячок
И важным голосом кричащему народу

²⁸ Имеется в виду популярный сюжет лубочных картинок «Как мыши ката хоронили».

Провозглашает он приятную свободу.
Тут каждый школьник, взяв в пример себе сверчка,
Через скамьи, чрез столы запрыгал от дьячка,
И вмиг очистились коптелые палаты.
(Простите, виноват, остались поросыты.)
Тогда наедине (опять я виноват,
Сказал наедине, забыв про поросыт!),
Тогда дьячок Кирилл взялся за сочиненье;
И к чести вымолвить: небесное терпенье
В ковании стихов имел лишь он один.
На лбу его тогда явилась тьма морщин,
Глаза, вон выпершись, снатуги покраснели,
И пот с него так лил, как с кровль весной капели;
Но все он своего труда не оставлял.
Хоть трижды он перо на землю повергал;
Хоть грыз его в сердцах скрежещими зубами;
Но тихо шевеля отвислыми губами
Все шарил рифм в мозгу и столько в том успел,
Что к полночи Кота в двух парах строк воспел.
И вот уже стенам читает сочиненье,
И стен молчание являет удивленье.
О Муза! возвести надгробну надпись ту,
Котору сочинил дьячок Кирилл Коту!

«Кота всехваляного зде²⁹ кроется могила,
Сколь наша барышня сего Кота любила!!!
В честь дел его сие надгробие творил
Живущий в сем селе, я сам, дьячок Кирилл».

Поэт, как утром встал, то целой пятернею
Разгладил голову с седою бороною.
Потом оделся он в свой праздничный убор
И с гордой выступкой пошел на барский двор,
Где в пояс кланяясь, чрез верную Хавронью
Поднес свои стихи Розаврину здоровью.
Розавра надпись ту с улыбкой приняла
И автору за труд полтинничек дала,

²⁹ Здесь. – Форма «зде» употреблялась в высоком стиле до начала XIX в.

И сверх того еще приветливо сказала:
«Теперь у нас пора говению настала;
Итак, дабы сей пост послаще провести,
Вели ко мне жене с посудкою придти,
Нам тесто привезли с курьером из Калуги,
И я велю накласть его вам за услуги».

Дьячок с тех пор не знал Розавре и цены
И вскоре сделался поэтом той страны.
Вот, что произвело талантов поощренье!
Им вскоре издано бессмертное творенье
Кот-котик, как у нас кормилицы поют,
Когда они детей в качалки спать кладут.
Розавра песнь сию на ноты положила
И с голосом таким ее соединила,
Что в год ее на всех запели языках.
Особенно ж у нас во всех она домах,
Чрез трогательный тон и мысли быв прелестна,
И малым, и большим, как азбука, известна!

Розавра, отпустив с наградой рифмача,
С посланьем к мельнику отправила ткача,
Дабы он вскорости искуснейшим стараньем
Покрыл Мурнаев гроб отличным изваяньем.

И памятник над ним из мрамора стоит,
И в литерах златых Кирилл на нем блестит.
И путешественник, хоть пеший марширует,
Мурнаев славный гроб отнюдь не преминует.
Носилася молва, что будто бы Вавил
От проводов к нему карман себе набил.
И что мудреного, – такие пирамиды
Имеют на гробах не многие Алкиды³⁰.

*Публикация, вступительная заметка
и комментарий Т.Г. Юрченко*

³⁰ То есть герои. Алкид – в греческой мифологии сын Зевса и смертной женщины Алкмены, прославившийся своими подвигами.